

DOI 10.25587/SVFU.2018.10.14551

УДК 398.22(=512.3)

Т. Г. Басангова

Калмыцкий научный центр РАН

СКАЗИТЕЛЬСТВО КАЛМЫКОВ

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения сказительского искусства в фольклорной традиции калмыков. Цель статьи – выявление особенностей сказительства калмыков. В ходе исследования подробно изучены биографии сказителей, сказительские школы, легенды и предания о получении сказительского дара. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью научного изучения феномена сказительства. Приобретение «сказительского дара», вопрос о степени влияния объективных и субъективных условий в становлении сказителя все еще остаются открытыми как в национальной, так и в мировой фольклористике.

В фольклорной традиции калмыков сказитель является носителем и хранителем самых разнообразных знаний, опыта, духовных ценностей и традиций. Имя сказителя окружено легендами о происхождении дара эпического повествователя-*джангарчи*. Изучение биографии сказочников-*джангарчи* позволило выявить сказительские школы – это династия *джангарчи*, которые передают свое искусство и репертуар. Важные сведения о том, что с давних времен вокруг имен исполнителей эпоса царил ореол таинственности, отражаются в фольклорных текстах: это рассказы о получении дара от певца при необычных обстоятельствах, чаще всего, во сне. Рассказы о посвящении рассказчика-*туульчи* или *джангарчи* были популярны в калмыцкой фольклорной традиции. В кочевом обществе сказитель выступал в разных ролях: как музыкант, прорицатель, певец. Это подтверждается многими исследованиями, посвященными истории, о роли рассказчиков того или иного народа. И у каждого рассказчика свой индивидуальный стиль, творчество каждого требует отдельного изучения.

В результате проделанного исследования автор приходит к выводу, что важнейшим условием сохранения института сказительства является традиционность исполнения, приверженность *джангарчи* к той или иной эпической школе, а также немаловажное значение играет сам ритуал исполнения. В рассмотренных текстах преданий о происхождении дара сказителей выявлено отражение подлинного интереса и почтения народа к исполнителям эпоса.

Ключевые слова: героический эпос, калмыцкий фольклор, сказительство, исполнитель, *джангарчи*, *туульчи*, исполнительское искусство, творческая биография сказителя, легенда, миф, школа сказителей.

Благодарности: Статья выполнена в рамках Госзадания «Свод калмыцкого фольклора. Подготовка томов: Том «Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные сказки и небылицы»» (проект № АААА-А16-116053010037-9).

Т. Г. Басангова

Storytelling of Kalmyks

Abstract. The article is devoted to the problems of studying the phenomenon of storytelling in the folk tradition of the Kalmyks. The purpose of the article is to reveal the features of the Kalmyks' storytelling. In the course of the study, biographies of storytellers, fairy tales and legends and stories about obtaining a narrative gift were

БАСАНГОВА Тамара Горяевна – д. филол. н., доцент, в. н. с. отдела монголоведения Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия.

E-mail: basangova49@yandex.ru

BASANGOVA Tamara Goryaevna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia.

E-mail: basangova49@yandex.ru

studied in detail. The relevance of the research topic is due to the need for academic study of the phenomenon of storytelling. The acquisition of the “narrative gift”, the question of the degree of influence of objective and subjective conditions in the development of the narrator is still open in both national and world folklore.

In the folk tradition of the Kalmyks, the narrator is the bearer and keeper of a wide variety of knowledge, experience, spiritual values and traditions. The name of the narrator is surrounded by legends about the origin of the gift of the epic narrator-*dzhangarchi*. A study of the biographies of storytellers-*dzhangarchi* allowed to reveal storytelling school is a family *dzhangarchi* who transmit their skills and repertoire. Since ancient times, around the names of the performers of the epic there reigned a halo of mystery: these are stories about receiving a gift from the singer under unusual circumstances, most often in a dream. Stories about getting a particular narrator-*tuulcha* or *dzhangarchi* were popular in the Kalmyk folk tradition. This is confirmed by many studies on the history of the role of the narrators of a people. However, each narrator has his own individual style, creativity of each requires individual study. In the performing tradition of the nomadic society, the narrator performed in different roles as a musician, a diviner, a singer. We identified that the most important condition for the preservation of the institute of storytelling is a tradition of performance, commitment *dzhangarchi* to one or another of the epic school, and equally important is the ritual of performance. The considered texts of legends about the origin of the gift of storytellers are a reflection of the people's interest in the performers of the epic.

Keywords: heroic epic, performer, skill, creative biography, legend, myth, fairy tale, school of storytellers.

Acknowledgements: The article was carried out within the framework of the State Order “The Code of Kalmyk Folklore. Preparation of volumes: Volume «Kalmyk tales about animals, household, cumulative tales and fables»” (project № № AAAA-A16-116053010037-9).

Введение

С давних времен вокруг имен исполнителей эпоса существовал ореол таинственности: это рассказы о получении дара певцом при необычных обстоятельствах, чаще всего, во сне. В калмыцкой национальной среде тоже бытовали различные мифы и легенды, повествующие о происхождении дара эпического сказителя-*джангарчи* [1, с. 53-54]. Рассказы о получении такого дара тем или иным сказителем – *туульчи* или *джангарчи* были весьма популярны в калмыцкой фольклорной традиции. В них сказитель изначально выступает как носитель и хранитель самых разнообразных знаний, опыта, духовных ценностей и традиций. Это подтверждено во многих исследованиях, посвященных сказительству, о роли сказителей того или иного народа. Каждый сказитель – это уникальное явление, его творчество и индивидуальный стиль, а также его биография, важные факты из жизни требуют тщательного научного изучения.

Из истории изучения биографий сказителей

В фольклорной традиции калмыков бытуют тексты преданий, повествующие о происхождении сказительского дара. В российской фольклористике, в частности калмыцкой, «эпическое сказительство» (термин Б. Н. Путилова) является одним из основных направлений научно-исследовательской работы, которое не теряет своей актуальности и в наши дни [2]. Предмет пристального интереса – сказитель и воспроизводимый им текст стали известны из трудов В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеева. В Калмыкии в стенах Калмыцкого НИИЯЛИ в 1966 г. был организован Отдел по изучению героического эпоса калмыков «Джангар», который возглавил известный калмыцкий ученый А. Ш. Кичиков. С этих пор стали появляться первые труды по изучению биографии и репертуара народных певцов, исследователями накоплен значительный опыт в изучении героического эпоса «Джангар». Прежде всего, было начато теоретическое изучение эпоса и других жанров калмыцкого фольклора наряду с полевыми исследованиями и публикаторской работой. Главной и первоочередной задачей джангароведов было восстановление подлинных текстов песен эпоса по оригинальным записям собирателей. Для выполнения поставленной задачи А. Ш. Кичиков в 1966 г. работал в рукописном фонде библиотеки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Работа в этом направлении увенчалась успехом. При внимательном изучении рукописи песни «О поражении свирепого Шара Гюргю» А. Ш. Кичиков обнаружил, что в рукописи не одна, а целых три песни «Джангара». Это находка, явившись открытием конца XX в., обогатила не только джангароведение, но и отечественное эпосоведение [3]. Также определенные

успехи были сделаны по изучению биографий сказителей-*джангарчи* Мукебюна Басангова, Тельтя Лиджиева и их репертуара. По их творчеству были защищены кандидатские диссертации, и на их основе написаны монографии [4].

Сказительские школы

Изучение всех имеющихся материалов позволило А. Ш. Кичикову определить сказительские школы калмыков. В калмыцкой эпической традиции под «школой» подразумевается династия *джангарчи*, передававшая свое искусство и репертуар в рамках семьи, рода. А. Ш. Кичиков, классифицируя три основные версии калмыцкой традиции «Джангара», определил три региона (Нойнакинский аймак Малодербетовского улуса, Бага-Цохуровский улус и Ики-Бухусовский аймак Малодербетовского улуса), где активно бытовала эпическая традиция в прошлом столетии. По определению ученого, «трем основным версиям памятника соответствуют сказительские школы»:

1. Барунская школа, представителями которой были Поврам, его сын Санджи, сын Санджи Бука (1870-1920);

2. Бага-Цохуровская школа, репертуар которой был записан Ш. Санджирхаевым (середина XIX в., имена рапсодов остались неизвестными);

3. Ики-Бухусовская школа или школа Ээлян Овла (1857-1920), представителями которой в XIX – начале XX вв. были Дэлтэр, Маргаш, Овла, Чюдэд, Окон, Муутл, Бульдин [5].

А. Ш. Кичиков писал, что Ээлян Овла вырос в эпической среде, что хранителями эпической традиции можно назвать всю его родословную (Гин Тёмёр, Гинцэг, Цаган Эмгн, Кюсмэ, Боору, Ээля, Дэлтэр, Маргаш, Пэпэ). Обучение маленького Овла сказительскому мастерству происходило под непосредственным руководством талантливых рапсодов Дэлтэр и Маргаш, братьев его отца Ээля. Мастерство учителей – выдающихся сказителей того времени явилось для начинающего *джангарчи* не только образцом для подражания, но и школой с организованной системой, нацеленной на усвоение набора правил, обеспечивающих усвоение эпических знаний и профессиональных навыков. Как свидетельствует А. Ш. Кичиков, Овла обучался сказительскому мастерству вместе со своим двоюродным братом Пэпэ, их готовили к роли *джангарчи* и впоследствии объявили преемниками, призвав посвятить всю жизнь служению искусству певца-*джангарчи* [5, с. 56].

Репертуар сказителя Дава Шавалиева (1884-1959) является до сегодняшнего дня малоизученным, до сих пор не опубликован полный репертуар сказителя во всех его вариантах и записях. Дава Шавалиев родился в 1884 г. в Ики Цохуровском аймаке в местности Хоочин Боорег в семье бедняка. Он принадлежал к роду *тявняхн*. Известны также имена сказителей, от которых он перенял песни эпоса. Во-первых, это сказитель Чапура Бадм, современник сказителя Ээлян Овла. Дава Шавалиев также называет имена сказителей того времени, известных в Яргачин-Эркетене-Багдан Будин Бача, Бульган Муутл, Бадан Вааськ. Последний, по воспоминаниям *джангарчи*, знал 12 песен «Джангара». К 1939 г. Дава Шавалиев был известным сказителем. В 1940 г. часть репертуара Д. Шавалиева была опубликована в журнале «Улан Туг» – это две песни, записанные писателем Гаря Шалбуровым: «Песня о поединке Джангара и его богатырей с мангасовым воином Монхуля, сыном Кермина, владеющим красивым желто-пестрым конем» (313 строк) и «Песнь о том, как вражеский богатырь Аля Монхля угнал Аранзала Зээрде» (561 строк). Текст песен «Джангара» из архива А. В. Бурдукова относится к 1939 г. В заглавии рукописи говорится: «Запись сделана в Элисте; 4-7 августа 1939 года от Давы Чукиновича Шавалиева 46 лет (год лошади), члена колхоза “Улан Церг” с 1927 года. Живет в селе Адг Адыгского сельского совета Черноземельского Улуса Калмыцкой АССР (Б. Эркетен)» [6].

А. В. Бурдуков (1883-1943) известен как автор статьи «Ойрат-калмыцкие сказители», впервые опубликованной на монгольском языке. Вариант статьи на русском языке хранится в архиве КИГИ РАН (Фонд 21, ед. хр. 57) [7, с. 83-93].

В эти же годы были продолжены традиции полевой фольклористики в Калмыкии, начатой представителями Русского географического общества и продолженными калмыцкими учеными. До Великой Отечественной войны были записаны репертуары следующих *джангарчи*: Басангов Мукебюн (1878-1944), Бадмин Менкенасан (1879-1944), Шавалиев Дава (1884-1959), Балдыров Насанка (1888-1971), Козаев Анджука (1890-1944). Многие сказители «Джангара»,

не выдержав тягот ссылки, остались погребенными в холодной сибирской земле. Со времени открытия Калмыцкого НИИЯЛИ в 1961 г. научным коллективом института было проведено ряд значимых фольклорно-этнографических экспедиций, во время которых были также записаны репертуары *джангарчи* Дорджиева Муушки (1889-1982), Лиджиева Телтя (1906-1970), Адучиева Церена Базыровича (1919-1970), Джукаева Наймина (1921-1970), Бадмаева Улюмджи Очировича (1928-2010) [8]. Данные сказители выступали в стиле сказителя Ээлян Овла. Все названные сказители провели в сталинской ссылке (1943-1956) долгие 13 лет, несмотря на голод и лишения, запрет на родной язык, на национальные обычаи, они сохранили живую фольклорную традицию. В живой эпической среде сказители пользовались огромным уважением, в жизни степняков их выступление считалось настоящим праздником. Многочисленная аудитория сказителя живо реагировала на подвиги богатырей, в случае несчастья с ними выражала сочувствие. Калмыцкий писатель Басанг Бюрюнович Дорджиев будучи участником фольклорных экспедиций 1937-1940 гг. оставил воспоминания о записи ими сказителя Мукебюна Басангова: «Когда он вдохновенно рассказывал о том, как Хонгор смело наступал на врагов, джангарчи загорался сказом, сердце наполнялось гордостью, рукава шелкового платья откинув назад, он вытащил из кармана красный платок и поднял его, словно Хонгор, водружающий знамя в честь своего “Джангара”, а люди, переполнившие зал, поддерживая джангарчи, дружно воскликнули: “Так, это так!”». В годы ссылки калмыков в Сибирь (1943-1957) открытое воспроизведение образцов устного народного творчества было невозможно в силу сложившихся трагических обстоятельств. Три сказительские школы имеют свои отличия – в количестве песен, исполняемых ими, в области музыкального исполнения – пение под домбру и без нее, речитативное исполнение.

Легенды и предания о получении сказительского дара

Феномен сказительства, его истоки и уровень мастерства исполнителя тесно связаны с таким понятием как *чееж*.

В калмыцком языке слово *чееж* употребляется в различных значениях: *у чеежтэ кун* ‘человек с широкой душой’, *уутьхн чеежтэ* ‘человек с недалновидными взглядами’, *гун чеежтэ кун* ‘глубокомысленный человек’, *алтн чееж* прямой перевод этого словосочетания ‘золотая грудь’.

В героическом эпосе «Джангар» один из богатырей носит имя *Алтн Чееж* (чаще переводят как ‘Золотая грудь’). Этот богатырь выступает как предсказатель, как шаман, видя будущее страны Бумба через вещие сны, которые рассказывает Джангару. Сказитель Мукебюн Басангов так характеризует богатыря: «Предсказывал он дела грядущих девяносто девяти лет. Предсказывал дела минувших девяносто девяти лет». В других текстах заметна информация о том, что Алтан Чеежи может гадать во сне, и его предсказания согласуются с предсказаниями, полученными другими способами. Человека, умеющего говорить красноречиво и образно, называли так: *алтн чеежтэ* ‘с золотой грудью’ – это человек, обладающий драгоценным словом, сказитель. Под словосочетанием *чеежсэрн келх* ‘говорить устно’ подразумевалось исполнение наизусть того или иного произведения, данное словосочетание является одной из характеристик сказительства. В тексте героического эпоса «Джангар» богатырь Алтан Чеежи имеет несколько характеристик – это Дарвад Алтан Чееджи, Кюнкян Алтан Чееджи, Байн Кюнкян Алтн Чееджи. Здесь, чтобы определить линию *шаман – сказитель* по отношению к этому персонажу эпоса, надо обратиться к глаголу *кюнксн* в сочетании со словом *дун*, судя по всему в данном определении есть скрытая метафора. Алтан Чеежи обладает звучным голосом, тем более уже в другом значении как Байн Кюнкян Алтн Чееджи, усиливая значение этого имени с помощью слова *байн* [9, с. 245].

Следующее слово, связанное со сказительством, это слово *келн* ‘язык’, *келлһн* ‘говорение’. Речитатив – одна из форм произнесения эпоса, *келмрчи* ‘сказитель’.

У калмыков бытовало представление о *сэн келн* ‘хорошем языке’ и *му келн* ‘плохом языке’. Иногда эти качества передавались птицам. Услышав каркающую ворону, люди просили *сэжел* ‘говори хорошее’. В народных традициях ворона была горевестником. Люди с «хорошим языком» произносили *йорелы* благопожелания, с плохим *му келн* являлись мастерами по произнесению проклятий [10, с. 45].

Богатыря, обладающего острым языком, в героическом эпосе «Джангар» зовут *келмерчи* Ке-Джилган. Он обладает яркой образной речью. Сказитель Мюкебюн Басангов характеризует сказителя-*келмерчи* Ке-Джилгана следующим образом: «Верблюд со всадником рысью убежал от красноречия его, / Всадник на коне деревенел от красноречия его. / Говорил он колко, словно змея жалила, / Говорил он едким языком. / Нойонов, владеющих десятью тысячами дворами, / Едва допускал он к пиру, выпроваживая несчастных, / Напутствовал язвительными словами, / От чего правая сторона его усов сама по себе выпадала. / Настолько говорлив он, что кожа на языке облезла, / От умелого подбора слов кожа на небе у него облезла». Как известно, в народе имя этого героя звучит нарицательно, красноречивого человека называют как «келмерчи Ке-Джалган» [11].

Действие от языка сказителя-*келмерчи* Ке-Джилгана приравнено к действию змеиного жала: говорил он так колко, словно его жалила змея. Помощником главного героя «Сын Аралтана» является Чибчин Хуурчи, предупреждающий его об опасности и превративший его в золотое зернышко. Чибчин Хуурчи – сказитель, исполняющий одну из песен героического эпоса «Джангар» «Песнь о поражении свирепого хана шулмусов Шара Гюргю» в стране Эрлик-номин-хана. Чибчин Хуурчи на протяжении всего сюжета сказки покровительствует младшему сыну престарелого старца, помогая ему преодолеть разные испытания – борьба с посланниками Эрлик-номин-хана, с Лу-ханом, живущем на Эркелюкской горе, который в образе верблюжонка предстает перед юным богатырем. Сказитель Чибчин Хуурчи говорит ему о способах борьбы с Лу-ханом – «забить в его четыре ноги по колышку, а в голову – кол, навали на него сухого бурьяну и сожги». Младший сын по имени Наран побеждает Лу-хана, превратившись в белое облако, дракон взлетает вверх. Наряду с исполнением одной из песен героического эпоса «Джангар» исполняет *шастры* – песни религиозного содержания. Сказитель, богатырь Хара Кебюн, прежде чем начать повествование, садится на кошму белого цвета, неторопливо поправляет усы. Затем обращается к своим служителям-*шулмусам* с вопросом: «Почему на луне пятна?». Дальнейшее повествование раскрывает заданный вопрос. Повествование сказителя должно было вызвать изменение в природе – свет или тьму. В том случае, если тьма победит солнце, богатырь Хара Кебюн должен был умереть. Хара Кебюн начал рассказывать известный миф об Араху, который выпил напиток бессмертия – *аршан*, Араха глотает то луну, то солнце, от этого бывает лунное или солнечное затмение [12, с. 76].

Сказителю не удалось рассказать миф об Араху до конца. Как только *шулмусы* увидели солнце, они разбежались в разные стороны. Основная часть мифа об Араху в полном объеме вошла в сюжет сказки «Манджик Зарлик и его работник». Рассказывание мифа, содержание которого раскрывает в свою очередь два этнологических мифа: «Почему на луне пятна?», «Почему появляется солнечное и лунное затмение». Исполнение мифа об Араху имеет магический характер. Мифологическое представление о получении сказительского дара нашло воплощение в текстах нескольких преданий, записанных в разное время. Один из текстов преданий зафиксирован Б. Бергманом, немецким миссионером, который детально описывает состояние человека, который получил сказительский дар. После смерти душа человека оказалась в подземном царстве Эрлик-номин-хана, который даровал ему песни героического эпоса «Джангар». Исполнение этим человеком песен эпоса должно начинаться с того времени, когда его попросит *гелюнг*.

Предание гласит, что при откочевке калмыков в 1771 г. его взяли с собой. Но его последователей среди калмыков пятьдесят человек [13, с. 63-67]. В исполнительской традиции кочевого общества сказитель выступал в разных ипостасях как музыкант, прорицатель, певец. Так, сказителя Ээлян Овла в народе называли *белгчи* – гадатель, который мог предсказывать разными способами: на бараньей лопатке, четках, насечках на дереве. Певец мог магически действовать на природу, поэтому исполнение героического эпоса в калмыцком обществе было строго регламентировано, также дар исполнительства, согласно биографическим данным, благотворно влиял и на самого певца – после двадцати лет у него исчезло заикание, которым он страдал с детства. Известный сказитель эпоса «Джангар» Мюкебюн Басангов овладел искусством сказывать эпос в 11-летнем возрасте, когда он тяжело заболел оспой и находился на грани между жизнью и смертью. Он вспоминает: «Болезнь поборола меня, я умер и меня повел с собой гелюнг, одетый в лавшиг. Долго мы блуждали по кочкам и ямам, пока не дошли до страны смерти. Здесь

подхватили меня под руки двое гелюнгов и привели меня в подземный рай, где было много людей. Они пели песни, другие танцевали». Далее следует описание получения дара исполнителя, которое совпадает с легендой в записи Б. Бергмана. Дар также получен от владыки подземного мира – Эрлик-хана, который является представителем буддийского пантеона. Большую роль в получении дара играют духовные лица-гелюнги, которые являются проводниками будущего сказителя в потусторонний мир. Академик Б. Я. Владимирцов, исследуя героический эпос ойратов, также записал легенду, повествующую о том, как появились в их регионе эпические певцы. Легенда связана с именем сказителя Этен Гончика, учителя сказителя Парчена. Легенда повествует о том, что Этен Гончик, будучи маленьким мальчиком, получил дар от великана, который был царем драконов лу. Однажды малолетний Этен Гончик пас в степи овец, к нему подъехал великан на драконе, который предложил ему стать певцом героических эпопей. Этен Гончик согласился. Единственным условием великана при передаче сказительского дара было получение в дар козленка. Великан ударил мальчика по плечу и скрылся. Через некоторое время мальчик проснулся и видит, что невдалеке волк пожирает задавленного им козла. С этого времени Этен Гончик стал исполнять героические эпопеи и стал знаменитым рапсодом. Ойратский сказитель также получает дар от представителя потустороннего мира – дракона, способного также передвигаться по другим мирам. Исполнитель эпопей получает дар от Лу-хана, громовержца, умеющего управлять стихиями. В этой легенде дракон обладает даром передачи таланта сказителя и сам обладает магическим даром перевоплощения. И в этом виде передает дар. Ввиду того, что легенды о поэтическом даре сказителя получили распространение у ойратов, «они смотрят на своих певцов, они признают, что разные сверхъестественные силы, духи внушают певцам во время экстаза эти образы, картины, эти звучные строфы даруют им силы выдержать страшное напряжение» [14, с. 23].

Эти легенды о приобретении искусства сказителя свидетельствуют о том, что в среде ойрат-калмыков высоко ценилось искусство слова. Получение дара сказителя связано с прохождением через мир мертвых, герой, пройдя через обновление, через сон, через болезнь, уже выступает в другом качестве. Сказительское (шаманское) связано с обновлением. Разыскания и наблюдения Б. Бергмана, касающиеся исполнения эпоса, передачи дара, количества песен «Джангара», актуальны в современной фольклористике. В комментариях к легенде Б. Бергман отмечает, что исполнение эпоса привлекает большое число слушателей в качестве вспомогательных средств. Сказители эпоса использовали курение табака и питье крепкого калмыцкого чая. Продолжительность исполнения эпоса равнялась трем дням и ночам. Б. Бергман впервые обозначил исполнителей эпоса как *джангарчи*, а стиль исполнения как пение *дулгн*, которое представляет собой мелодико-распевную рецитацию. Таким образом, в калмыцкой фольклорной традиции сохранились легенды и предания, которые демонстрируют процесс превращения обычного человека в сказителя: это сон человека, путешествие человека в Нижний мир, получение дара, поэтапное обучение сказительству (поиск учителей, обучение исполнительству на музыкальном инструменте).

Следующее предание о героическом эпосе «Джангар» записано писателем Б. Б. Доржиевым. Оно повествует о том, как у калмыков появился героический эпос «Джангар». В предании поэтично описана мифическая страна Бумба, в которой все люди бессмертны и счастливы: «В давние начальные, когда смерти не знающая, вечная, тревог не знающая, в спокойствии пребывающая страна Бумба подавила все своих врагов. В степи стихли топот копыт многочисленных скакунов. Тогда славному Джангару-нойону с его богатырями-вепрями не с кем стало воевать, не стало диких животных для охоты, а страна Бумба, словно окутанная туманом, пребывала в тиши, оказывается. И в это время неожиданно во дворец Джангара, где образовав семь кругов, пировали его богатыри, вошла целомудренная рагини невиданной красоты, неожиданно стала петь песню, о его дорогих, как жизнь, о жестоких победных их сражениях, о смерти не знающей, вечной стране Бумба, богатырях, которые сидели вокруг в семь кругов, которые победили всех врагов, завоевав вместе с их землями, воспевая страну Бумбу, в которой все были двадцатипятилетними, и в которой все время дул свежий ветер – “сер-сер”, лил дождик – “бюр-бюр”. Услышав пение девушки, мелодию ее песни, все люди успокоились, туман рассеялся, страна Бумба наполнилась радостью. Так, мой милый ребенок, произошли песни “Джангара”».

Поэтому подобно богатырям Джангара, душа того, кто услышит, словно распаивается, светлеет, радостью переполняется, гордость возвеличивается, мысли и думы очищаются. С тех пор появились *джангарчи*; заучивают «Джангар», не забывают, сохраняя и передавая его из поколения в поколение. Таким образом, в предании выведен образ женщины-сказительницы. Она исполнила героический эпос, и это магическим образом подействовало на природу и людей – все стало возрождаться [15, с. 89-90].

Профессор А. Ш. Кичиков в одной из своих работ писал о состоянии современной эпической традиции калмыков, о личности сказителя-*джангарчи*, что ритуал перед исполнением «Джангара» – это императив предков. Этим обрядом обеспечивалась святость, вера слушателей в происходящее в эпосе. Однако аудитория в наши дни перестает осознавать обязательность соблюдения данного ритуала. Профессор видит в этом угасание традиции исполнения «Джангара». По мнению ученого, зеркальность нарушается не только тогда, когда в текст эпоса вторгается что-то обыденное, злободневное, но и когда уходит та торжественность атмосферы во время исполнения, создаваемая ритуалом, описанным выше, а также когда певцы не придерживаются характерной позы *овдглад* ‘стоя на коленях’, передающей особое почитание героев эпоса. На сегодняшний момент мы можем констатировать наличие исполнителей, воспроизводящих калмыцкий героический эпос «Джангар» в рамках сложившихся сказительских традиций: это В. Каруев, Д. Нандышев, Б. Лиджигорьяев, А. Очир-Горьяев, Б. Манджиев, О. Калыков, К. Мукубенев, Д. Шараев, О. Манкуев, Х. Манджиев, К. Хулхачиев.

Заключение

Калмыцкий фольклор – это богатое наследие народа, которое передается из поколения в поколение через сказителей. Калмыки сказочников именовали как *туульчи*, а исполнителей эпоса «Джангар» – *джангарчи*. Сказители эпоса должны были воспроизводить эпос в рамках сказительской школы, которые они наследуют. В живой эпической среде они пользовались огромным уважением, в жизни степняков их выступление считалось настоящим праздником. В фольклорной традиции калмыков бытуют тексты преданий, повествующие о происхождении сказительского дара. В российской фольклористике, в частности калмыцкой, «эпическое сказительство» является одним из основных направлений научно-исследовательской работы, которое не теряет своей актуальности в наши дни. В данной статье впервые представлены предания о сказительстве, бытующие в фольклорной традиции калмыков, записанные в разное время. Основным мотивом данных преданий является описание времени появления эпического памятника. В воспроизведении калмыцкого героического эпоса «Джангар» большое значение придавалось ритуалу исполнения, некоторые сказители выступали «стоя на коленях», передавая особое почитание героев эпоса. На сегодняшний момент мы можем констатировать наличие исполнителей, воспроизводящих калмыцкий героический эпос «Джангар» в рамках сложившихся сказительских традиций. Современным сказителям в какой-то степени должны помогать и оказывать методическую помощь фольклористы, которые тщательно изучают особенности той или иной исполнительской традиции.

Литература

1. Басангова Т. Г. Легенды и предания о получении сказительского дара у калмыков // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения: материалы Международной научной конференции (г. Элиста, 20-23 сентября 2011 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2011. – С. 53-54.
2. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. – М.: Восточная литература, РАН, 1997. – 295 с.
3. «Джангар». Список Малодербетовского улуса (9 августа 1862 г.). Рук. на старокалмыцкой письм. Оригинал записи поэмы «Догшн Шар Гүргү...» // Рукописный фонд Восточного факультета СПбГУ. – Шифр: ХуIQ 544. «Джангар». – 28 л.
4. Калмыцкий народный эпос. Эпический репертуар джангарчи М. Басангова / Пер., предисл., комм. Н. Ц. Биткеева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. – 154 с.
5. Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар»: вопросы исторической поэтики. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. – 176 с.

6. «Джангар». Записан от Давы Чукиновича Шавалиева 46 лет. Элиста, 1939 г. // Архив КалмНЦ РАН. – Ф. 21, ед. хр. 6. – 24 л.
7. Борджанова Т. Г., Манджиева Б. Б. Эпический репертуар калмыцкого сказителя Дава Шавалиева // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака: Сб. ст. – М.: Наука, 2004. – С. 83-93.
8. Дораева Р. П. Фольклорно-диалектологическая экспедиция 1970 года // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. Вып. 11. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. – С. 214-219.
9. Я изучаю калмыцкий: калмыcko-русский словарь / Сост. Э. Ч. Бардаев, А. Ш. Кичиков и др. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2004. – 1016 с.
10. Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков. – Элиста: АПП «Джангар», 1999. – 199 с.
11. Информант Амбекова Б. П. 1920 г. р. // Личный архив Т. Г. Басанговой. – Полевые записи 1977 г. – 30 л.
12. Хальмг туульс. Т. 4. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. – 272 х. (на калмыцком яз.)
13. Овалов Э. Б. Легенда о Джангаре в записи Б. Бергманн // Типологические и художественные особенности «Джангара». – Элиста: [б. и.], 1978. – С. 63-64.
14. Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. – Петроград-М.: Типография «Свето», 1923. – 253 с.
15. Басанг Дорджиев. О девушке-джангарчи // Теегин Герл. – Элиста, 1990. № 2. – С. 110.

References

1. Basangova T. G. *Legends and stories about obtaining a narrative gift of the Kalmyks*. In: “*Dzhangar*” and *epicheskie tradicii narodov Evrazii: problemy issledovaniya i sohraneniya* [“Dzhangar” and epic traditions of the peoples of Eurasia: problems of research and preservation]: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Elista, 20-23 sentyabrya 2011 g.). Elista, KIGI RAN, 2011, pp. 53-54.
2. Putilov B. N. *Epicheskoe skazitelstvo: tipologiya i etnicheskaya specifika* [Epic narration: typology and ethnic specificity]. Moscow, Vostochnaya literatura, RAN, 1997, 295 p.
3. “*Dzhangar*”. *Spisok Maloderbetovskogo ulusa (9 avgusta 1862 g.)*. *Ruk. na starokalmyckoj pism. original zapisi poemy “Dogshn shar gjurgju...”* [“Dzhangar”. List of Maloderbetovsky ulus (August 9, 1862). Manuscript of the Old-Kalmyk of written original of the recording of the poem “Dogshn Shar Grigor” ...]. In: *Rukopisnyj fond Vostochnogo fakulteta SPbGU* [Manuscript collection of Oriental faculty of SPbSU]. Shifr: XyLQ 544, “Dzhangar”, 28 s.
4. *Kalmyckij narodnyj epos. Epicheskij repertuar dzhangarchi M. Basangova* [Kalmyk national epic. Epic repertory of dzhangarchi M. Basangov] / per., predisl., komm. N. C. Bitkeeva. Elista, Kalm. kn. izd-vo, 1988, 154 p.
5. Kichikov A. Sh. *Issledovanie geroicheskogo eposa “Dzhangar”*: *voprosy istoricheskoy poetiki* [Study of the heroic epic “Dzhangar”: questions of historical poetics]. Elista, Kalm. kn. izd-vo, 1976, 176 p.
6. “*Dzhangar*”. *Zapisan ot Davy Chukinovicha Shavaliyeva 46 let. Elista, 1939 g.* [“Dzhangar”. Recorded from Dava Chukinovich Shavaliyev, 46 y. o. Elista, 1939]. In: *Arhiv KalmNC RAN* [Archive of KalmSC RAS]. F. 21, ed. hr. 6, 24 s.
7. Bordzhanova T. G., Mandzhieva B. B. *Epicheskij repertuar kalmyckogo skazitelya Dava Shavaliyeva* [Epic repertory of Kalmyk storyteller Dava Shavaliyev]. In: *Etnopoetika i tradiciya. K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Viktora Mixajlovicha Gacaka* [Ethnopoetics and traditions. To 70th anniversary of corresponding member of RAS Viktor Mikhailovich Gatsak]: sb. st. Moscow, Nauka, 2004, pp. 83-93.
8. Doraeva R. P. *Folklorno-dialektologicheskaya ekspediciya 1970 goda* [Folklore-dialectological expedition in 1970]. In: *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie. Vyp. 11* [Proceedings of Zabaikalsky state university. Series: Philology, history, oriental studies. Iss. 11]. Elista, KNIYALI, 1973, pp. 214-219.
9. *Ya izuchayu kalmyckij: kalmycko-russkij slovar’* [I learn Kalmyk language: Kalmyk-Russian dictionary] / sost. E. Ch. Bardaev, A. Sh. Kichikov i dr. Elista, Kalmyckoe kn. izd-vo, 2004, 1016 p.

10. Bordzhanova T. G. *Magicheskaya poeziya kalmykov* [Magic poetry of Kalmyks]. Elista, APP “Dzhangar”, 1999, 199 p.
11. *Informant Ambekova B. P. 1920 g. r.* [Informant Ambekova B. P. born in 1920]. In: *Lichnyj arhiv T. G. Basangovoj. Polevye zapisi 1977 g.* [Personal archive of T. G. Basangova. Field notes of 1977]. 30 s.
12. *Halmg tuuls. T. 4* [Halmg tuuls. Vol. 4]. Elista, Kalm. kn. izd-vo, 1974, 272 p. (In Kalmyk lang.)
13. Ovalov E. B. *Legenda o Dzhangare v zapisi B. Bergmann* [Legend of Dzhangar in writing by B. Bergmann]. In: *Tipologicheskie i hudozhestvennye osobennosti “Dzhangara”* [Typological and artistic peculiarities of “Dzhangar”]. Elista, 1978, pp. 63-64.
14. Vladimircov B. Ya. *Mongolo-ojratskij geroicheskiy epos* [Mongol-Oirot heroic epic]. Petrograd, Moscow, Tipografiya “Sveto”, 1923, 253 p.
15. Basang Dordzhiev. *O devushke-dzhangarchi* [About dzhangarchi-girl]. In: *Teegin Gerl* [Teegin Girl]. Elista, 1990, No. 2, p. 110.

